

ОТ ПАДЕНИЯ РИМА
ДО ЭПОХИ РЕНЕССАНСА

ЧАРЛЬЗ ОМАН

Тёмные Века

ЕВРОПЕЙСКОЙ
ИСТОРИИ

Чарльз Оман

**Темные века европейской
истории. От падения
Рима до эпохи Ренессанса**

«Центрполиграф»

1893

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Оман Ч.

Темные века европейской истории. От падения Рима до эпохи
Ренессанса / Ч. Оман — «Центрполиграф», 1893

ISBN 978-5-9524-5415-6

В 476 году пала Западная Римская империя. Обширные территории Западного Средиземноморья оказались в руках вандалов, вестготов, франков и других племен, которых римляне прежде называли варварами. Римской империи, такой, какой ее знал Древний мир, больше не было. Но, даже в условиях упадка власти, Европа не погрузилась во мрак. По-прежнему существовала Восточная Римская империя, под покровительством императоров процветали искусства, науки и ремесла, совершенствовалась правовая система. На обломках Западной Римской империи возникали новые могущественные государства – королевства франков, остготов и вестготов. Британский военный историк Чарльз Оман проливает свет на период, именуемый Темными веками, всесторонне описывает личности и раскрывает характер правителей – от Теодориха Великого, который властвовал в Италии в начале VI века, до Карла Великого, первого императора франков. Историк наглядно показывает, как в конфликтах раннего Средневековья был заложен фундамент современной Европы.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-5415-6

© Оман Ч., 1893

© Центрполиграф, 1893

Содержание

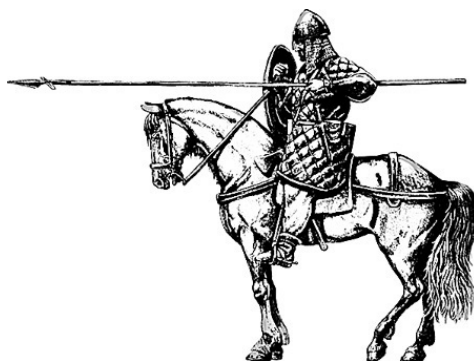
Книга первая	8
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Чарльз Оман
Темные века европейской истории.
От падения Рима до эпохи Ренессанса

Charles William Chadwick OMAN
THE DARK AGES
476–918

Книга первая

Глава 1

Одоакр и Теодорих, 476–493 годы

Важность 476 года. – Император Зенон признает Одоакра патрицием в Италии. – Положение Одоакра. – Разделения Европы в 476 году. – Вандалы в Африке и король Гейзерих. – Правление Одоакра в Италии. – Его война с Теодорихом и падение

Летом 477 года группа послов, заявивших, что выражают волю мертвого тела, все еще называвшего себя римским сенатом, предстала перед императором Зеноном, правителем Константинополя и Восточной империи. Они явились объявить ему о том, что армия убила патриция Ореста и свергла с императорского трона его сына – малолетнего императора Ромула. Но после этого послы не сообщили Зенону, что должным образом избран новый цезарь. Подобные посольства были обычными в последние годы, но эта депутация, в отличие от всех других, ранее прибывавших на Босфор, проинформировала восточного императора, что его могущества достаточно для защиты и востока, и запада. Они положили к его ногам диадему и платье Ромула и заявили о своем уважении и преданности его августейшей персоне. Затем, как будто в качестве дополнения, они сообщили Зенону, что выбрали своим правителем Флавия Одоакра и рассчитывают, что августейший хозяин одобрит их выбор и дарует Одоакру титул патриция.

В прежние времена часто звучало утверждение, что эта дата – 476 год – не является значительной вехой в мировой истории и в этом году произошла всего лишь передача верховной власти над западным миром от бессильного цезаря, жившего в Равенне, к бессильному цезарю, жившему в Константинополе. Нам напоминают, что патриций Одоакр и представители римского сената заверили восточного императора в своей верности императорскому имени, но Италии больше не нужен отдельный август, и один властитель может снова править востоком и западом, как это было в дни Константина и Феодосия. И если представители западной части империи рекомендовали Зенону назначить своим наместником среди них Одоакра, могущественного военачальника и человека, искусного в политических вопросах, которого они выбрали для защиты своих интересов, это не было чем-то из ряда вон выходящим. На самом деле аналогичные посольства довольно часто прибывали в Константинополь, чтобы объявить не о выборе обычного патриция, а об избрании независимого императора.

Формально все вышесказанное – правда, и мы не можем не согласиться, что водворение и укрепление тевтонского правителя в Италии было всего лишь очередным примером того, что уже случилось в Испании и Африке. Пока еще никто в этих странах не утверждал, что Западная

Римская империя окончательно умерла и ее сменило Тевтонское королевство. На документах и монетах того времени оставалось имя римского императора – и в Испании, и в Италии, и в Африке. После 476 года подданные и вестготы Эйриха, и скиры Одоакра изображали на своих деньгах портрет Зенона, так же как несколькими годами ранее изображали на них портрет Валентиниана III. Им, похоже, было все равно, что один жил к востоку от Адриатики, а другой – к западу.

Но если историки прошлого были слишком невнимательны к конституционному и теоретическому аспекту событий, без обиняков утверждая, что Римская империя на западе прекратила существование в 476 году, существует опасность, что наше поколение излишне проникнется формальной стороной вещей, не осознавая реальных перемен, имевших место в том далеком году. Исчезновение Римской империи на западе на самом деле было длительным процессом, начавшимся в 411 году, когда Британия, первая из западных диоцезов, была оставлена варварам, и завершившимся, когда Франц II Австрийский сложил с себя титул императора в 1806 году. И все же если мы должны выбрать момент разрыва между старым и новым, если нам необходимо выбрать год, ставший линией раздела между древней историей и Средневековьем, то лучшую дату, чем 476 год, выбрать невозможно.

До того самого дня, как Флавий Одоакр сверг Августа, в Риме или Равенне всегда был принц, ведущий свой род от Октавиана, Траяна или Константина. Пусть его корона была непрочной, жизнь постоянно подвергалась опасности, а его слово было не таким могущественным, как слово какого-нибудь варвара, вроде Рицимера или Гундобада, стоявшего за его трон. Тем не менее он находился в постоянном контакте с подданными и являлся видимым осязаемым персонажем, воля и характер которого имели некоторое значение в управлении государством. Даже самые слабые Глицерий или Олибрий никогда не превращались в обычных марионеток, как король франков VIII века или микадо XVII века. Кроме того, всегда существовала возможность, даже более того – вероятность, что появится некий сильный император, который сумеет освободиться от власти германского премьер-министра. Майориану это едва не удалось, а истории падения готов, Гайнаса и Аспара, на востоке показывают, что подобная попытка – не такое уж безнадежное предприятие.

Но когда Одоакр отнял трон у мальчика Августа и стал с согласия, если не по доброй воле константинопольского цезаря, единственным представителем имперской системы на западе, во всем статусе империи произошли серьезные перемены. Флавий Одоакр был не просто патрицием, правившим как представитель законного императора. Он был не только преемником Рицимера, но также предшественником Теодориха и Альбоина. И он был не просто римским чиновником, но германским королем, впитавшим военный дух с материнским молоком и провозглашенным военным вождем народа – *thiudans* – тевтонскими воинами, теперь представлявшими старые легионы запада. Если он никогда не имел титула «король Италии», то лишь потому, что такого рода территориальные термины еще не были известны. Его современники Эйрих и Гейзерих называли себя королями вестготов и вандалов, а не Испании и Африки. Таким образом, Одоакр, будучи королем земли и армии, а не нации, возможно, не знал, как заявить о своих королевских претензиях. Он не назвал себя «королем итальянцев», а назвать себя королем скиров или туркилингов – и те и другие составляли часть его армии – значило принять ненадлежащее имя. Недоумевающие современные ему хронисты иногда называли Одоакра королем готов, хотя сам он этого титула не употреблял.

И все же он был королем, который имел свою территорию и организованное войско; не кочующим оккупантом Италии, как Аларих, а постоянным правителем земли. В этом аспекте он, несомненно, являлся предшественником остготов и лангобардов, которые заняли его место. Хотя титул ему самому показался бы странным, мы можем по праву назвать его королем Италии, поскольку именно так называем Теодориха, Беренгара или Виктора-Эммануила. Ведь именно воле Одоакра подчинялись в этой стране, а не воле его титулованного «началь-

ника» в Константинополе. Одоакр устанавливал налоги, выбирал чиновников, вмешивался в выборы епископов Рима и объявлял войны ругам и вандалам. В немногочисленных сохранившихся документах того времени имя Зенона упоминается крайне редко. Одоакр подписывал официальные акты *Odovacar Rex*, а не *Odovacar Patricius*, как было принято у римлян. Соответственно итальянский чиновник признает его *regia largitas* – королевскую щедрость, а не *patricia magnitudo* – значительность патриция. Поэтому во всех отношениях правильно – и удобно – именовать Одоакра первым германским королем Италии и считать его правление началом новой эры. Если мы по какой-то причине этого не сделаем, то будет логично отказаться признавать вестготских или франкских королей Испании и Галлии как независимых суверенов – до середины VI века – и продлить время существования Римской империи запада до Леовигильда и Теудеберта, официально сложившего с себя императорские полномочия (540–570).

В году 476-м большие части земель, прежде составлявшие Западную Римскую империю, приняли новые формы в виде шести крупных тевтонских королевств. Италия и Норик стали королевством Одоакра, Северная Африка – владениями вандала Гейзериха. Вестготское королевство Эйриха протянулось от Луары до Гибралтарского пролива. Король Гундобад Бургундский занял долины рек Роны и Соны до их верховий. Принцы франков правили на Маасе, Мозеле и Нижнем Рейне. Последним и самым маленьким из тевтонских государств стало королевство свевов, расположившееся на севере современной Португалии и в Галиции. Между этими германскими королевствами находились уцелевшие остатки древней Римской империи, которые еще не захлестнула поднимающаяся волна тевтонизма, но они были обречены в самом ближайшем будущем исчезнуть под ней. Провинция Британия стала группой маленьких неблагоприятных кельтских королевств, на границы которых англ и саксы еще всерьез не покушались. Арморика, современная Бретань, была также примитивной конфедерацией кельтских государств. Долина Сены и среднее течение Луары составили римско-галльское королевство, где правил Сиагрий, последний правитель, признававший главенство империи, расположенной за Альпами. Кантабрийцы и баски, жившие в горах над Бискайским заливом, сохранили независимость от вестготов, так же как их предки пятью веками ранее устояли против римских завоевателей Испании. Наконец, был еще один фрагмент территории на Адриатике, который претендовал на принадлежность к законной Западной Римской империи. Император Юлий Непот, когда его вытеснили из Рима и Равенны, бежал в Далмацию, где ухитрился создать небольшое королевство вокруг своей столицы – Салоны. Из разбросанных остатков римских территорий, которые еще не попали в руки германцев, два – королевства Сиагра и Непота – были обречены на скорое падение; остальным была предназначена более непростая судьба.

Обширную территорию земли, некогда составлявшую Западную Римскую империю, окружали германские племена, которые продвигались вперед с севера и востока, занимая покинутые обиталища народов, некогда живших в римских границах. Фризы жили вокруг устьев Ваала и Леха, на землях, впоследствии захваченных франками. Алеманны – конфедерация свевских племен – владели долинами Майна и Некара, Черным лесом – Шварцвальдом – и берегами верховьев Дуная. К востоку от них жили тюринги и руги (ругии) – на территориях современной Баварии и Богемии. Лангобарды (ломбарды) обитали в Моравии и на севере Венгрии, а герулы и гепиды – в среднем течении Думая и Тисы. Все эти племена, как и те, что были до них, проявляли общую тенденцию к движению на запад и юг, желая пожить тем, что осталось от империи.

История тевтонских королевств конца V – начала VI века подразделяется на две половины. Одна – история деяний франков, вестготов, бургундов и свевов на западе. Другая – лишь отдаленно с ней связанная – история правления Одоакра в Италии и королей вандалов в Африке, которые больше интересовались Восточной империей, чем трансальпийскими королевствами. Мы рассмотрим сначала первые два государства, оставив обсуждение дел тевтонов в Галлии и Испании на потом.

Гейзерих – римляне иногда называли его Гензерихом – первый король Африки из вандалов, уже правил в Карфагене в том году, когда Одоакр стал правителем Италии. Сорок восемь лет этот первый из тевтонских морских королей господствовал на земле, которую завоевал, и удерживал морское превосходство в центральной части Средиземного моря. Создание королевства вандалов было одним из самых необычайных деяний века великих миграций; его следует приписать исключительно личной энергии этого короля-долгожителя. Во время вторжения в Африку его племя было одним из самых малочисленных из всех странствующих орд, вторгшихся в пределы империи, – не более 80 000 душ (мужчин, женщин и детей). Тот факт, что столь небольшая армия сумела захватить огромную провинцию и впоследствии стать кошмаром всего побережья Западной Римской империи, говорит о безграничных способностях Гейзериха. Он не принадлежал к числу упорных, отчаянно смелых, здоровенных, но безмозглых вождей, которые по большей части возглавляли германские племена. Он не обладал крупным телосложением и всю жизнь прихрамывал, поскольку в детстве его лягнула лошадь. Зато его отличали умственные способности. Гейзерих был не только умелым военачальником, но и хитрым политиком. Он был человеком непостоянным, но обладал не легкомысленной изменчивостью дикаря, а умышленным злобным вероломством профессионального интригана. Он был одним из весьма распространенных примеров тевтона, который, оказавшись в контакте с империей, усвоил все пороки деградирующей цивилизации, не утратив своих собственных, свойственных варварству. Не без оснований деяния Гейзериха оставили след в истории языка в виде современного слова «вандализм». Страдания жителей Италии и Африки в его руках были куда глубже, чем передраги, в которые они попадали при других завоевателях, поскольку за всеми деяниями Гейзериха стояли злоба и вероломство. В сравнении с Гейзерихом гот Аларих представляется образцом рыцарской любезности, а гунн Аттила – прямым, хотя и жестким противником. Особой слабостью короля вандалов было заключение договоров и перемирий, которые он не намеревался выполнять. К тому же он не испытывал необходимости в поисках повода или хотя бы обоснования для своих рейдов, за исключением разве что одного: город или регион, на который он нападал, должен быть в момент атаки плохо защищен.

Из своих контактов с империей Гейзерих почерпнул и впоследствии усилил черты двух самых одиозных личностей того времени – сборщика налогов и религиозного фанатика. В Африке существовал более сильный финансовый гнет, чем в других новых германских государствах, и более активно велись гонения на религиозных противников.

Система, на которой вандалы основали свое королевство, была отнюдь не сравнительно милосердным «предоставлением третьей части земли», которое Одоакр и Теодорих внедрили в Италии. Он конфисковал все большие поместья крупных африканских землевладельцев, сделав их королевской собственностью, которой управляли его бейлифы. Небольшие поместья, которыми владели жители провинции, он разделил на две части. Те, что находились непосредственно в границах провинции Африка, и лучшие из тех, что были за ее пределами, были им присвоены и стали военными феодами для его тевтонских последователей. Эти так называемые *sortes Vandalorum* – наделы варваров – были наследственными и освобождались от всех видов налогов. Королевские доходы росли за счет более удаленных небогатых провинциальных собственников, владения которых не были экспроприированы. Именно от них Гейзерих, безжалостно обложив их налогами, получал большие доходы.

Но еще больше, чем за финансовый гнет, Гейзериха ненавидели за религиозные преследования. Вандалы, как и большинство тевтонов, приняли арианство, и Гейзерих решил насильно заставить своих подданных принять религию хозяев. Он конфисковал все католические церкви в Африке и либо передал их арианам, либо уничтожил. Он запретил посвящение в сан новых католических епископов и изгнал или бросил в тюрьму тех, которые еще оставались в его владениях. Время от времени он предавал смерти, часто бросал в тюрьмы или продавал, как рабов, видных сторонников ортодоксальной веры. «Драгонад» было много, и своей систе-

матической жестокостью король вандалов и его люди оставили после себя в истории недобрую память.

Отвратительное угнетение жителей провинции сделало власть вандалов в Африке рискованной. Вандалов было слишком мало для уверенного владения могучей землей, которую они захватили, даже когда Гейзерих призвал всякого рода авантюристов под свои знамена и даже свирепых мавров Атласа – чтобы служить на флоте. Фанатичные африканцы, раса, породившая беспокойных сектантов-донатистов и диких циркумцеллионов, вовсе не собирались покорно подчиняться новым хозяевам. Они только ждали человека, способного возглавить их в борьбе с вандалами. Дважды во время правления Гейзериха создавалось впечатление, что соответствующий человек уже появился. И всякий раз вандалу удавалось добиться успеха благодаря своей хитрости и оперативности, когда все шансы были против него. В 460 году император Майориан собрал большой флот в Карфагене и уже приступил к сбору армии, которую этот флот должен был перевезти. Но вовремя предупрежденный Гейзерих напал на корабли раньше, чем они были оснащены и укомплектованы, и увел их, а те, что не смог увести, – сжег. В 468 году над вандалами нависла еще более серьезная опасность. Императоры востока и запада, Лев и Антемий, объединили силы, чтобы сокрушить логово пиратов в Карфагене. Они отправили в Африку стотысячную армию, которая наводнила всю территорию от Триполи до ворот Карфагена. В час опасности и смелость, и вероломство Гейзериха становились особенно заметными. Сбив с толку слабоумного римского военачальника Василиска – он попросил и получил пятидневное перемирие для урегулирования условий капитуляции, – Гейзерих ночью выслал против римского флота брандеры. И пока римские солдаты пытались спасти корабли, напал на их оставшийся без охраны лагерь. Потерпев поражение, трусливый Василиск поспешно удалился, и вандалы, спасенные чудом, смогли перевести дух.

Последние десять лет правления Гейзериха были заполнены бесчисленными пиратскими набегами на Италию и Сицилию, которые не встречали сопротивления со стороны пяти императоров-марионеток, правивших в те дни. Гейзерих пережил падения Ромула Августула и заключил договор с Одоакром. По этому соглашению вандал, всегда имевший больше пристрастия к деньгам, чем к земле, отказался от своих отнюдь не незначительных владений на Сицилии в обмен на ежегодную дань от нового короля Италии.

Гейзерих умер в 477 году, а с ним пало и величие вандалов, хотя королевство просуществовало еще пятьдесят лет. Он оставил после себя хороший флот, полную казну и дворец, набитый сокровищами после великого разграбления Рима в 455 году. Однако господство горстки вандалов в Африке оставалось непрочным. Их собственная безопасность обеспечивалась храбростью и ловкостью престарелого короля, и после его смерти больше ничто не могло удержать власть вандалов от падения при первой же атаке. Опасаясь восстаний жителей провинции, Гейзерих велел разрушить стены и ворота всех африканских городов, за исключением Карфагена. Достаточно было одного проигранного сражения, чтобы вся территория оказалась в руках нападающего, и такой человек не мог не появиться, чтобы наконец отомстить за страдания трех поколений жителей провинции под властью вандалов.

Гейзериха сменил его сын Гунерих, человек весьма преклонных лет, арианин, как отец, ярый гонитель представителей других религий. Он был женат на Евдокии, дочери императора Валентиниана III, пленнице после разграбления Рима в 455 году. Но супруга не имела на него большого влияния. От нее он не перенял вкус к римской цивилизации, да и ее приверженность ортодоксальной вере не сумела отвлечь его от арианства. Евдокия прожила с Гунерихом шестнадцать несчастливых лет, родила ему двух сыновей и лишь после этого смогла бежать из Карфагена в Иерусалим, где снова оказалась в окружении своих собратьев по вере, которого была так долго лишена.

Гунерих был тираном худшего типа из всех возможных. Его отношение к семье – яркий тому пример. Гейзерих перед смертью предписал, чтобы каждому королю вандалов наследовал

не ближайший родственник, а старший родственник мужского пола. Такой порядок наследования был обычным для тевтонских племен, но никогда ранее не был возведен в ранг закона. У Гунериха был взрослый сын Хильдерик, который должен был стать наследником отца. Принц был младше, чем братья короля. Вместо того чтобы отменить закон отца, Гунерих решил уничтожить своих братьев и убил их всех вместе с женами и детьми. В живых остались только два мальчика, сыновья его брата Генцо, которые спаслись благодаря своевременному бегству.

На протяжении семи лет своего правления (477–484) Гунерих не вел войн. Его флот больше не мог рыскать вокруг обглоданного трупы Западной Римской империи. Два грозных королевства – вестгота Эйриха и скира Одоакра – нельзя было безнаказанно грабить, как владения Максима или Глицерия. Поэтому Гунерих оставил их в покое, обратив свою энергию на преследование католиков в своем королевстве. По утверждению церкви, его жертвами стало 40 000 человек – это явное преувеличение, заставляющее нас усомниться в реальности того, что на самом деле было очень жестоким и безжалостным преследованием. Гунерих предпочитал калечить людей – отрубать руки, выкалывать глаза, отрезать язык, а не предавать их смерти с помощью меча и веревки; тем не менее нет сомнений в том, что во множестве случаев он карал католиков с крайней жестокостью.

Неудивительно, что королевство Гунериха постоянно сотрясали восстания. Мавры Атласских гор поднялись против него и, к немалой радости латинян, живших в провинции, вторглись в королевство вандалов с юга и добрались до гор Орес в Нумидии. Готовясь напасть на них, король умер, если верить католическим хронистам, от той же болезни, которая сразила Ирода Агриппу¹. Его старший и единственный сын умер раньше чем отец, и вандалы возвели на трон Гунтамунда, старшего из двух уцелевших племянников короля, принца, выказавшего большую сдержанность, – учитывая обстоятельства. Он бросил в тюрьму, а не убил двух малолетних детей Гунериха.

Если мы отвлечемся от королевства вандалов в Африке и обратим внимание на владения Одоакра в Италии, то сразу увидим контраст между методами управления в этих двух странах. Если Гейзерих и Гунерих правили, как обычные варвары, отбросив древний римский механизм администрации, король Одоакр сохранил всю систему в том виде, в каком она к нему попала. Он назначил преторианских префектов и военных магистров – *magistri militum*, а также комитов священных щедрот – *comes sacrarum largitionum*, как это делали императоры до него. Сенат продолжал заседать в Риме и принимать бесполезные декреты, а консулы все так же присваивали свои имена годам. Но его великий план экспроприации, по которому одна треть земли каждого богатого собственника Италии конфисковывалась для наемных войск, должно быть, вызвал немало возмущения. Любопытно, но у историков того времени мы почти не находим жалоб на него. Не исключено, что мудрость Одоакра, оставившего в покое мелких собственников, защитила его имя от поруганий и оскорблений, которые до сих пор сопровождают имена многих тевтонских завоевателей.

В целом жители итальянской провинции ощутили сравнительно немного перемен, когда ими стал править король из варваров вместо патриция из варваров, коими были Ричимер или Гундобад. Одоакр, судя по всему, был одним из тех мудрых людей, которые от добра добра не ищут. Он сам придерживался арианской веры, но воздерживался от всех религиозных гонений. И хотя он сохранил за собой право утверждать избранных римских епископов, мы не находим никаких упоминаний о том, что он когда-нибудь позволял себе навязывать своих кандидатов священнослужителям и народу. Напротив, он сдерживал отчуждение церковных земель и симонию.

¹ «В назначенный день Ирод, одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним; а народ восклицал: [это] голос Бога, а не человека. Но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изъеден червями, умер» (Деян., 12: 21–23). (Примеч. ред.)

Внешняя политика Одоакра, по-видимому, была направлена в основном на сохранение прежнего «итальянского диоцеза», то есть полуострова с материковыми приложениями Норика и северной части Иллирии. Он уступил вестготу Эйриху побережье Прованса, которое было еще в руках римлян, и даже не пытался поддерживать отношения с римско-галльским правителем Сиагрием, который удерживал среднюю часть Галлии, зажатую между вестготами и франками. С другой стороны, он проводил твердую политику на северо-восточной границе. Когда мятежники в 480 году убили Юлия Непота, Одоакр сразу вторгся в Далматинское королевство, которое бывший император до последнего старался удержать, и покорил его. Дальше на север – в Норике – руги много лет держали в страхе жителей римской провинции и притесняли их из-за Дуная. Одоакр выслал против них войска под предводительством своего брата Гунвульфа, который отбросил ругов за реку и взял в плен их короля Феву (он же Фелетей). Но, освободившись от ругов, жители провинции воспользовались возможностью не отстроить свои разрушенные города, а массово мигрировать в Италию. Под защитой армии Гунвульфа население Норика, неся все свои пожитки и даже извлеченные из мест захоронения тела святых, хлынуло на юг через Альпы и получило разрешение Одоакра поселиться на пустующих территориях, разоренных вандалами. Только в долинах Реции еще оставалось латинское население. Поэтому на юге Баварии и в Австрии сегодня говорят не на романском языке, как в Энгадине, а на немецком языке ругов и герулов, которые поселились в опустевшей провинции Норик, покинутой армиями Одоакра.

В течение тринадцати лет, с 476 по 489 год, скирский король с большим успехом правил Италией, Нориком и Далмацией. Годы шли без потрясений, армия оставалась спокойной, а итальянцы – довольными избавлением от набегов вандалов и готов. И Одоакр, вероятно, поверил, что создал королевство столь же прочное и надежное, как его соседи – бургунды и вестготы. Но в его положении была одна слабость: он зависел от преданности не одного компактного племени, а от верности чисто наемной армии, созданной из остатков дюжин разрозненных тевтонских кланов. Воины считали его военачальником и казначеем, а не законным наследственным правителем, ведущим свой род от богов и героев. Полки федератов – *Foederati*, объявившие его королем, не были единым народом. Должны были пройти поколения, чтобы эти люди стали таковыми. И ткань нового королевства подверглась испытанию величайшему из шоков, когда она еще не успела окрепнуть.

В 489 году на Одоакра пошел войной с Дуная и Иллирийских Альп Теодорих, сын Теодемира, король остготов. Он вел за собой весь свой народ. С воинами были их жены и дети, рабы, домашний скот. Все горные проходы северо-востока оказались заблокированы тысячами доверху нагруженных повозок.

Теодорих, король той половины готов, которая осталась на Балканском полуострове, когда Аларих повел другую половину на запад, прошел до конца долгий пути восстаний и грабежей. С их помощью он довел Фракию и Мезию до состояния даже более жалкого, чем то, в котором их оставили орды гунна Атиллы. Не сумев, как и все его предшественники, взять Константинополь, и заключив четвертый мир с императором Зеноном, он обнаружил себя с полуголодной армией на разоренной земле. Он сделал все возможное, чтобы довести Восточную Римскую империю до того же состояния, что Рицимер довел Западную, но неприступные стены Константинополя помешали ему. Этот молодой человек, способный и честолюбивый военачальник, рвался в бой, стремясь завоевать новые территории. А император Восточной Римской империи в то же самое время собирал все возможные силы, чтобы отбросить готов как можно дальше от ворот своей столицы. И Зенон, и Теодорих имели все основания не желать добра Одоакру. Император был уверен, что именно скир поднял восстание в Азии, которое потрясло его трон, или помогал ему. А король остготов тревожился из-за бегства ругов от армий короля Италии.

Ни одну из сторон не потребовалось долго убеждать, когда появился план вторжения остготов во владения Одоакра. Зенон, формально считая, что, приняв Одоакра и итальянцев, он становится императором и запада и востока, издал декрет о смещении патриция и его замене другим патрицием, королем остготов. Теодорих, в обмен на получение нового титула и дарование господства в Италии, дал неопределенное обещание править завоеванными территориями, как представитель императора. До чего могла дойти такая феодальная присяга, не слишком интересовало обе стороны. Император только хотел избавиться от короля готов. А король готов знал, что, став хозяином Италии, он сможет оказывать императору столько почтения – много или мало, – сколько пожелает.

Осенью 488 года Теодорих собрал вместе всех остготов в лагере, расположенном в среднем течении Дуная, и предложил им готовиться к скорой миграции. Его выбор сурового времени года для марша, по-видимому, объяснялся боязнью голода, поскольку война так сильно опустошила Мезию, что готам могло не хватить продовольствия до будущей весны. И в октябре 488 года 200 или даже 300 000 остготов проследовали по Римской дороге вдоль Дуная, переправились у Сингидунума (совр. Белград) и двинулись через Паннонию. Но вскоре они столкнулись с сопротивлением. Траустила, король гепидов, которые теперь жили по обоим берегам Дуная в его среднем течении, попытался помешать готам пройти через его земли. Готы во главе с Теодорихом нанесли поражение гепидам, но поняли, что продвижение вперед по враждебной стране связано со слишком большими трудностями, и потому зазимовали на Саве. Армия кормилась, грабя фермы гепидов. Весной 489 года Теодорих со своими людьми двинулся дальше по Юлийским Альпам, не встретив сопротивления. Наконец, он подошел к месту, где начался спуск вниз в долину. Здесь на берегах Изонцо его ждал Одоакр с большой армией федератов. Произошло сражение, исход которого не оставлял места для сомнений. Остготы были единым народом, сражавшимся за своих жен и детей, который ждали на горных перевалах. Их вел наследный король, отпрыск благословенного небом рода Амалов. Эти люди знали, что поражение означает для них гибель, и потому их не могла остановить смешанная армия наемников, которую привел Одоакр. Король Италии был обращен в бегство, лагерь взят штурмом, армия рассеялась. Только у стен Вероны Одоакр снова сумел собрать ее. Через месяц после сражения при Изонцо Теодорих вновь встретился с врагом и опять одержал победу. Здесь пали старые полки федератов, обычно защищавшие Италию. За спиной Одоакра была быстрая река Адидже, и большая часть его армии оказалась попросту сброшена в воду.

Оставив север Италии, Одоакр отошел к окруженной болотами крепости Равенна, которая стала непреодолимым препятствием для многих завоевателей полуострова. А Теодорих продолжал наступать, занял Милан и всю долину реки По. Его триумф стал еще более очевидным после капитуляции Туфы, военного магистра Одоакра, который осенью 489 года сдался остготам вместе с остатками итальянской армии.

Но война тянулась еще три года. Равенна оставалась неприступной, и Теодорих был вынужден трижды отвлекаться от осады из-за беспорядков в других местах. Сначала Туфа нарушил клятву, вернулся к своему прежнему хозяину Одоакру и увел за собой остатки федератов, в следующем году Гундобад, король бургундов, перешел со своими людьми через Альпы – их надо было вернуть обратно.

И наконец, Фридрих, король ругов, первый из множества Фридрихов в германской истории, выступил на стороне Одоакра, хотя Теодорих тремя годами ранее предоставил ему убежище, когда тот бежал от армий короля Италии. Только в июле 491 года Одоакр удалился под прикрытие болот Равенны. Еще двадцать месяцев он оставался за ее неприступными стенами, и лишь в феврале 493 года голод заставил его начать переговоры о мире.

Теодорих предложил побежденному врагу лучшие условия, чем он мог ожидать, – сохранение королевского титула и участие в управлении Италией. Но когда Одоакр сложил оружие и прибыл в лагерь победителя, он был предательски убит во время пиршества. Это произошло

через десять дней после падения Равенны. Это было единственное известное низкое и подлое преступление в славной карьере Теодориха. Судя по его поведению во время капитуляции, он намеренно заманил противника в лагерь, чтобы предать его смерти. Это было в марте 493 года.

Так на шестидесятом году жизни умер Одоакр. Через семнадцать лет после убийства Ореста он встретил ту же судьбу, которую навлек на своего предшественника.

Глава 2

Теодорих, король Италии, 493–526 годы

Остготы. – Характер Теодориха. – Управление им Италией. – Теодорих в Риме. – Внешняя политика Теодориха. – Войны с франками и бургундами. – Господство в Западной Европе. – Несчастья последних лет. – Смерть Боэция. – Крах великих планов Теодориха

С формальной и конституционной точки зрения смена короля Одоакра королем Теодорихом на троне Италии ничего не изменила в положении дел. Однако с практической точки зрения перемена была важной, поскольку новое тевтонское королевство было намного сильнее старого. Его правителем был более молодой и способный человек, самый мудрый и дальновидный из всех германцев V и VI веков. Кроме того, военная мощь остготов была намного больше, чем смешанной толпы федератов, составлявших армию Одоакра. Остготы – многочисленное племя, знавшее себе цену после столетия успешных войн и преданное своему королю, который уже двадцать лет вел их от одной победы к другой. Остготы сохранили присущую им с глубокой древности отвагу и вместе с тем стали более цивилизованными – ведь три поколения этого народа жили в границах империи. Они теперь находились на более высоком уровне цивилизации, чем любое другое германское племя. Общение с Римом наложило отпечаток на их одежду, оружие, образ жизни. Они уже в течение столетия были христианами и успели забыть многие языческие и варварские обычаи своих предков. Они могли даже похвастаться зачатками собственной литературы в виде знаменитой готской библии Вульфила. До нас дошли некоторые документы, написанные знаками, изобретенными епископом готов Вульфиллой для своего народа, которые показывают, что в те времена были священнослужители и даже миряне, которые умели писать на своем языке. Сам Теодорих никогда не учился письму, но среди его подданных, по-видимому, были грамотные люди. Хотя король не поощрял ученость готов, в следующих поколениях были ученые люди, знавшие римскую и греческую литературу. Некоторые из них даже называли себя философами и утверждали, что принадлежат к школе Платона.

Из всех германских народов, судя по всему, остготы лучше всего подходили для формирования ядра нового королевства, молодого, сильного и цивилизованного, которое должно было вырасти на обломках Римской империи. И если кто-то мог довести такое дело до конца, то именно Теодорих. Десять лет, проведенные в качестве заложника в Константинополе, показали ему сильные и слабые стороны римской системы администрации. Двадцать лет, проведенные на полях сражений во главе своих соплеменников, позволили ему приобрести военный опыт, причем и с римлянами, и с варварами, сделавший его непревзойденным военачальником. Итальянские государственные чиновники считали его превосходным руководителем, понимавшим все трудности в управлении империей. Готские воины считали его не только умелым командиром, но и стойким солдатом. И когда были разбиты гепиды на Дунае и когда сброшены федераты Одоакра в Адидже, король лично возглавлял решающие сражения, принесшие окончательную победу над врагом. Но Теодорих был не только блестящим государственным деятелем и бесстрашным воином. Он имел чрезвычайно широкий кругозор и умел заглянуть глубоко в суть дела. Его практическая мудрость вошла в пословицы, которые уважали многие поколения его подданных. И несмотря на наличие одного или двух позорящих фактов, мы можем смело утверждать, что его разум вдохновляло надежное и праведное сердце. Присущая ему справедливость видна из его официальной переписки, пусть даже изложенной туманными и высокопарными фразами его секретаря Кассиодора. Из всех тевтонских королей он был *justissimus unus et servantissimus aequi* – наиболее справедливый и наиболее внимательный к тому, что правильно. Он задался целью обуздать насилие готов и крючкотворство римлян, доказав им, что он, судья на троне, будет, независимо от личностей, вершить правосудие. Теодорих был

единственным из правителей, римских и германских, своего времени, который исповедовал свою веру, не стремясь стать гонителем. Ни один монарх в ближайшее тысячелетие даже близко не подошел к великолепному заявлению Теодориха, что религией не может руководить даже король, поскольку ни одного человека нельзя заставить поверить против его воли. Он сам был арианин, но относился к католикам, готам и римлянам одинаково. Даже с иудеями он обращался справедливо, в то время когда во всех других странах мира к ним проявляли жестокость. Оскорбления, которым он подвергся от фанатичных христиан, когда не позволил им напасть толпой на раввина или осквернить синагогу – высшее свидетельство в его пользу. Он всегда утверждал, что на правосудие могут рассчитывать даже те, кто отступил от веры. Тем не менее он не был, как другие люди, терпимо относившиеся к иудеям, наполовину язычником или агностиком. Те самые рескрипты, которые жаловали мирское правосудие угнетенным иудеям, заканчивались призывом к ним отказаться от своего жестокосердия и спастись от будущего гнева.

Устраивая своих победивших соплеменников на земле Италии, Теодорих проявил себя человеком ловким и одаренным. Трети земли, которую Одоакр конфисковал семнадцатью годами ранее, вероятно, было достаточно для их расселения. Большая часть федератов, которым была пожалована эта треть, пала в сражениях. Те, кому удалось спастись от мечей готов, по-видимому, погибли во время сразу вспыхнувших беспорядков, которыми итальянцы, услышав, что Одоакр заперт в стенах Равенны, отметили его падение. Поэтому Теодорих смог обеспечить своих соплеменников, не разоряя местных собственников. Какое-то время он намеревался лишить земли и прав тех итальянцев, которые со всем упорством продолжали поддерживать Одоакра, но в конце концов здравый смысл победил. Поэтому готы почти без трений расселились на новой территории. Они жили в долине По и Пицене, в Тоскане и центральной части Италии, и даже на юге, хотя там их было мало. Почти все они занялись земледелием. Только в самых крупных городах – Равенне, Павии и Вероне – готы стали заметным элементом городского населения.

План Теодориха реорганизовать управление завоеванной Италией заслуживает более подробного рассмотрения. Он не ликвидировал остатки старой римской административной системы, которая продолжала работать. Вместе с тем он не делал попыток подчинить готов римским законам. На какое-то время он довольствовался параллельным существованием двух систем. Готами должны были править и отправлять правосудие его комиты – готские правители, которых он назначил в каждой итальянской провинции, его олдермены – так их называли бы англосаксы, согласно традиционному праву, сложившемуся в племени. Римляне обращались за правосудием к магистратам своего народа. Если правосудие требовалось готу и римлянину, случай рассматривался комитом и итальянским судьей, которые сидели рядом на одной скамье.

В центральной администрации существовало аналогичное смешение систем. Двор Теодориха во многих отношениях был таким же, как двор любого другого германского короля. У него была собственная свита. Готы называли входящих в нее воинов сайонами, а англичане – тэнами или гезитами. Сайоны выполняли поручения короля и являлись его телохранителями. Из рядовых членов свиты вырастали высшие чиновники и «офицеры» позднего Средневековья – постельничий, препозит священной опочивальни, военные магистры, главный дворецкий и наместник.

Помимо тевтонского двора – Боэций назвал его палатинскими псами – Теодорих содержал и римский двор. Его чиновники носили те же титулы, что и при империи, – преторианских префектов, магистров должностей, квесторов и нотариев. Король демонстрировал удивительное умение и осмотрительность при выборе самых честных подданных для назначения на посты, так чтобы его придворные не стали деспотичной кликой, как это было при последних императорах. Он даже назначил преторианским префектом Либерия, который до последнего

поддерживал Одоакра. Король заверил его, что ценит за преданность хозяину. Для центрального правительства были, безусловно, выбраны лучшие люди в Италии. Несчастье Теодориха заключалось в том, что чем лучше человек, тем скорее он начинает мечтать о былой римской славе, а значит, противиться мудрому правлению остготов. Боэций, последний истинный римлянин, каким его многие считали, всю жизнь служил Теодориху, так и не став ему по-настоящему верным.

В этой книге мы не можем рассмотреть все реформы Теодориха. Их было слишком много. Самые мудрые из них – восстановление старых дорог, акведуков и дренажных каналов, которыми по праву гордилась древняя империя. Готский король сам увлекался строительством. Он возвел в Вероне и Равенне королевские дворцы, от которых, увы, сохранились только небольшие фрагменты. Он проявлял большое внимание к поддержанию древних сооружений. Только в Риме он каждый год выделял две сотни фунтов золота на ремонт дворцов и общественных зданий. Он брал под свою защиту даже статуи и памятники и добавил собственные изображения ко всем тем, что уже украшали Рим. Он прочно занял место цезарей, устраивал состязания в цирке и обращался к собравшимся на форуме. Он посещал дебаты в сенате и принимал в них участие и даже попытался укрепить его, назначив несколько готских сенаторов. Если он проявил некоторую недалекость в вопросе возвращения раздачи хлеба, то компенсировал ее весьма либеральной схемой перераспределения налогов, которая сразу облегчила жизнь людей и наполнила казну. После его смерти королевские запасы в Равенне составляли не менее 40 000 фунтов золота и £1 600 000 наличными деньгами.

Мудрая внутренняя политика Теодориха сопровождалась такой же твердой и разумной внешней политикой. Первым делом он позаботился об установлении дружественных отношений с Восточной Римской империей. Еще до смерти Одоакра он отправил посольство, чтобы сообщить Зенону о завоевании Италии и потребовать императорского подтверждения его титула. Но посольство обнаружило Зенона мертвым, а его преемника Анастасия погрязшим в подавлении бесконечных бунтов и мятежей. Только в 497 году император признал короля готов правителем Италии. Но тогда Анастасий решил компенсировать запоздалое признание, направив Теодориху регалии, которые Одоакр препроводил Зенону двадцать лет назад, – одежды и украшения, которыми пользовался Ромул Августул.

За тридцать три года правления в Италии Теодорих лишь однажды вступил в спор с императором: это было пограничное столкновение в 505 году, вызванное беспорядками в Иллирии. Теодорих взялся за восстановление границ Западной Римской империи на востоке, и его военачальники, покорив Паннонию до Сирмия и Сингидунума, вторглись в Мезию, где столкнулись с армиями Восточной Римской империи. В течение трех лет шли столкновения, но большая война так и не началась, хотя в 508 году два полководца Анастасия совершили разрушительный набег на Апулию. Но в конце концов был заключен мир. Было решено, что граница будет проведена, как в дни Западной Римской империи, по Саве и Дунаю.

Значительно более важными стали дела Теодориха с соседями на западе и севере. Он взял на себя задачу охраны прежних римских территорий за Альпами, которые некогда составляли провинции Реция и Норик. Они обе быстро становились скорее тевтонскими, чем римскими. В Рецию бежали многие алеманны или швабы, когда франк Хлодвиг в 496 году вытеснил их с земель на Майне и Некаре. Этот народ с радостью признал Теодориха своим правителем в обмен на защиту от франков, которых остготы остановили в верховьях Рейна между Базелем и Констанцем. Дальше на восток, в Норике, место жителей римской провинции постепенно занимало смешанное тевтонское население, остатки разбитых кланов ругов, скиров и туркилингов, которые уже начали называть себя общим именем – баварцы, под которым стали широко известны спустя несколько лет. Они тоже, как и алеманны, с радостью признали Теодориха своим сюзереном и стали платить ему дань. На западе, когда Теодорих взойшел на престол, его владения были ограничены Альпами, поскольку Одоакр уступил вестготам Марсель и другие

города, которые подчинялись императору до 476 года. За Альпами вестгот Аларих теперь удерживал устье Роны и прованское побережье, а бургунд Гундобад правил на территориях, расположенных в среднем и верхнем течении Роны от Авиньона до Безансона и Лангра. К северу от бургундов и вестготов, далеко от альпийских границ Теодориха, расположилось новое франкское королевство Хлодвига, теперь доходившее до Луары и верхнего течения Сены.

С этими тремя монархами король остготов имел много дел. В самом начале своего правления он попросил руки Аудофледы, сестры Хлодвига, рассчитывая этим союзом привязать к себе бесцеремонного франка. Аудофледа родила ему Амаласунту, которая стала единственным ребенком короля, рожденным в законном браке, хотя у него уже были две старшие дочери, рожденные наложницей. Вскоре после женитьбы на франкской принцессе Теодорих выдал одну из них, Острогото, за Сигизмунда, сына и наследника бургунда Гундобада, а другую, Тиудигото, – за вестгота Алариха II. Так соседи стали родственниками.

Только все это не обеспечило мира между новыми родственниками Теодориха. В 499 году Хлодвиг напал на Гундобада, разбил его армию, а самого заставил укрыться в Авиньоне, самой южной из его крепостей. Одержав много успехов, франк лишился всего, что завоевал, и напал на короля вестготов. Теодорих безуспешно пытался предотвратить обе войны и был очень недоволен, когда его шурин Хлодвиг вторгся в южную Галлию и убил в сражении его зятя Алариха. Бургунды и франки объединились, чтобы уничтожить вестготов, и сделали бы это, если бы не вмешался Теодорих. Теперь наследником трона вестготов стал Амаларих, сын Алариха и Тиудигото, дочери короля Италии. Чтобы защитить владения внука, Теодорих объявил войну и Хлодвигу, и Гундобаду и послал свои армии за Альпы для спасения остатков вестготских владений в Галлии. Одна армия перешла Котские Альпы и напала на Бургундию, другая вторглась в Прованс и нанесла удар по франкам и бургундам, осадившим Арль (Aries). Теодориху, как и прежде, сопутствовало везение. Он сумел вернуть всю Галлию, что к югу от Дюранса и Севенн (509), так что все завоевания Хлодвига ограничились Аквитанией. Теперь остготским армиям был открыт путь в Испанию, чтобы поддержать притязания ребенка Амалариха против Гезалиха, незаконного сына Алариха II, провозглашенного королем вестготов в Барселоне. После двух лет партизанских боев претендент был пойман и убит, хотя и получил некоторую помощь и поддержку от короля вандалов Тразамунда. Это было в 511 году.

В течение следующих четырнадцати лет, до того момента, когда Амаларих достиг зрелости, Теодорих правил Испанией от имени своего внука. Он был признан королем вестготов, как и Амаларих, и правил обеими половинами готского народа – объединившимися после перерыва в двести лет. Его власть никто не оспаривал, и его слово имело в Испании такой же вес, как в Италии. Его представителем стал остготский аристократ, который стал регентом и правил в Нарбонне всем вестготским королевством, что к западу от Роны. А римлянин Либерий, назначенный преторианским префектом Галлии, управлял вестготским Провансом из древнего города Арль.

Так Теодорих стал верховным правителем огромной территории, раскинувшейся от Сиримия до Кадиса и от верховьев Дуная до Сицилии. Он правил большей частью древней Римской империи запада и имел большое влияние в Галлии и Африке. После войны 507–510 годов Хлодвиг умер, его четыре сына, разделившие королевство, заключили мир с остготами, а бургундский король Гундобад сделал это еще раньше.

Последовало двенадцать лет мира (511–523), прежде чем Теодорих, достигший весьма преклонного возраста, получил повод для вмешательства в Галлии. Сигизмунд, муж старшей незаконной дочери Теодориха, теперь стал королем бургундов. Он был мрачным и подозрительным тираном и навлек на себя гнев Теодориха, убив собственного наследника Сигериха, старшего внука готского короля. Чтобы это преступление не осталось безнаказанным, Теодорих объединился с франками и напал на Бургундию. Он завоевал ее и взял в качестве воен-

ной добычи земли между Дюрансом и Дромом с городами Авиньон, Оранж и Вивьер, ставшие крайней северо-западной оконечностью империи остготов.

Семейные связи, которые столь тщательно устанавливал Теодорих, распространились даже за Средиземное море. Он выдал свою сестру, овдовевшую и уже далеко не юную принцессу Амалафриду, за старого короля вандалов Тразамунда. Надо полагать, благодаря этому браку он относился к Тразамунду как к младшему брату, а не вассалу. Когда вандалы осмелились помочь узурпатору Гезалиху в Испании, Теодорих заставил их платить дань и потребовал, чтобы впредь Тразамунд не делал ничего, не посоветовавшись со своей супругой Амалафридой. Тразамунд в принципе ничего не имел против такого обращения и в будущем делал все возможное, чтобы умиротворить своего шурина. Государство вандалов действительно было не в том положении, чтобы идти на ссору с Теодорихом. После смерти Гунериха оно находилось в постоянном упадке. Во время правления Гунтамунда (484–496) и самого Тразамунда (496–523) оно медленно, но верно теряло почву под ногами, уступая мятежным маврам Атласа. Гунтамунд, не бывший гонителем представителей других религий, как его предшественник Гунерих, попытался помириться с католиками, позволив им вернуть изгнанных епископов и снова открыть церкви. Но эти бонусы не остановили процесс отделения от него подданных. Во время его правления мавры отобрали у него все побережье от Танжера до ворот Кесарии. Его брат Тразамунд проводил другую политику: возобновил гонения, депортировал две сотни католических епископов на Сардинию и вернул все ужасы эпохи Гунериха. Как и следовало ожидать, он оказался не более удачливым в разборках с местными бунтовщиками, чем его брат. Ссора с Теодорихом означала для него крах, поэтому он старательно держался подальше от всех чужеземных войн. Он умер в 523 году, будучи глубоким стариком. Говорят, его убило известие о сокрушительном разгроме его армии от рук мавров. Его место занял его кузен Хильдерик, сын Гунериха и римской принцессы Евдокии, последний отпрыск дома Феодосия Великого. Получив образование от матери-католички, Хильдерик стал первым королем вандалов, придерживавшимся ортодоксальной веры. Он положил конец длительным африканским гонениям. Но его правление оказалось ничуть не счастливее, чем правления его кузенов. Энергичный сторонник католицизма, он вступил в противоречие с основной массой своих подданных. На него напали мятежники, которых возглавила сестра Теодориха, вдовствующая королева Амалафрида, которая хотела объявить королем Африки одного из племянников своего покойного супруга. Хильдерик вышел из столкновения победителем, подавил мятежников и схватил Амалафриду, которую бросил в темницу, к немалой ярости ее брата, короля готов. Это случилось в 523 году. При жизни Теодориха он держал ее в заключении, но, услышав о смерти старого короля в 526 году, он велел умертвить старую королеву. Это деяние навсегда поглотило вандалов и остготов.

Заключение в темницу сестры было не единственным, что омрачило последние годы долгой жизни короля остготов. У него были проблемы с наследниками. Он выдал замуж своего единственного законного ребенка – дочь Амаласунту (Амаласвинту) за вестготского принца по имени Евтарик (Эвтарих), который слыл отважным и благоразумным человеком. Старый король возлагал все свои надежды на этот союз. Он хотел, чтобы он правил вместе с его дочерью, как супруг правящей королевы. Но только Евтарик в 522 году умер, оставив после себя сына пяти лет от роду. Теодорих не мог не видеть, что восхождение на престол после его смерти ребенка с женщиной в роли регентши связано с огромной опасностью для них, тем более что его племянник Теодахад считался бессовестным интриганом.

Возможно, озлобленность из-за семейных проблем в последние годы его жизни вовлекла Теодориха в конфликт с его итальянскими подданными. Имел он на это основания или нет, но король вбил себе в голову идею, что итальянцы воспользуются его смертью, чтобы побудить императора в Константинополе выступить против его наследника – ребенка. В целом такая идея имела право на существование, потому что, несмотря на мудрость и великодушные Теодо-

риха, большинство его римских подданных так и не приняли этого правителя, арианина и гота. Представляется, что некоторые члены сената вели тайную переписку с императором Юстином. Этот монарх, первый за пятьдесят лет восточный император, твердо придерживавшийся православной веры, всколыхнул энтузиазм католиков во всем мире попыткой подавить арианство. Верующие в Италии, безусловно, сравнивали его действия со строгой беспристрастностью Теодориха, и это сравнение было не в пользу последнего. В 524 году патриций Альбиний был обвинен магистром оффиций Киприаном в отправке предательских писем в Константинополь. На процессе его защищал консул Боэций – высший чиновник и хорошо известный в то время автор, философ, астроном, теолог и механист, короче говоря, главный представитель интеллектуальной элиты Италии. Боэций яростно отрицал все обвинения против Альбиния. «Если этот человек виновен, – заявил он, – то я и весь сенат тоже виновны». Обвинитель поймал его на слове и тут же изложил доказательства того, что сам Боэций был одним из сенаторов, поддерживавших переписку с Юстином, или, по крайней мере, делал все возможное для сокрытия тех, кто этим занимался. Такое обвинение, пусть даже не доказанное, вызвало гнев старого короля. Он не мог смириться с неверностью человека, к которому всегда благоволил и назначал на высокие должности. По его приказу Боэций предстал перед сенатом и был осужден. В течение года Теодорих держал его в заключении – это был бесценный год для будущих веков, поскольку в это время Боэций написал свой знаменитый труд «Утешение философией», одну из самых популярных книг Средневековья, оказавшую сильное влияние на европейскую литературу. Она стала настоящим утешением для многих благородных, но несчастных людей в Средние века и нашла бесчисленное количество читателей, от короля Альфреда до сэра Томаса Мора. После годичного заключения Боэций был подвергнут пыткам и казнен. Возможно, он был невиновен и не вел никакой тайной переписки с Константинополем, но, вероятнее всего, он писал совершенно безобидные письма, в которых увидели измену только страхи короля и злоба завистников.

После казни Боэция имела место другая казнь – его престарелого тестя Симмаха, главы сената. Его Теодорих казнил по одному только подозрению в том, что он всячески противился казни зятя. Других обвинений против него выдвинуто не было, да и официального процесса тоже не было. Так что это злодеяние можно считать вторым – после убийства Одоакра – непростительным грехом Теодориха. Это случилось в 525 году.

В последние два года жизни старого короля были и другие пострадавшие от его гнева. Придя в ярость из-за преследований Юстином ариан, Теодорих стал угрожать репрессиями католикам Италии. Он отправил римского папу Иоанна в Константинополь с сообщением, что дальнейшие гонения приведут к войне с готами и нападением на сторонников ортодоксии во всех остготских владениях. Испугавшись, Юстин приостановил гонения и отнесся к послу с таким глубочайшим почтением, что вызвал подозрения короля Италии. Теодорих решил, что Иоанн проявил слишком много дружелюбия к императору, и заподозрил, что почести, оказанные папе в Константинополе, призваны настроить римских подданных против короля. Поэтому сразу по возвращении в Рим Иоанн был брошен в тюрьму, где довольно скоро умер, поскольку и без того имел слабое здоровье. Западная церковь немедленно объявила его мучеником. Это было в 526 году.

Итальянцы подумали, что казнь Симмаха и заключение в тюрьму папы Иоанна являются предвестниками масштабных гонений по всей Италии. Прошел слух, что ариане вынудили короля согласиться на эдикт, закрывающий все католические церкви, и гонения вот-вот начнутся. Учитывая настрой всей предыдущей жизни Теодориха, представляется крайне маловероятным, что он мог на исходе дней проникнуться такой нетерпимостью. Однако он определенно стал мрачным, подозрительным и упрямым. И то, что он умер от дизентерии вскоре после смерти папы Иоанна, пошло на пользу его репутации – не успел натворить ничего плохого. Можно сказать, что и для короля, и для его народа было бы лучше, если бы конец

наступил тремя годами раньше – до его жестокого обращения с Боэцием. О его возросшей непопулярности в момент смерти говорит появление нескольких любопытных легенд. В них говорится, что отшельники видели, как его душу волокут в ад искалеченные призраки Иоанна и Симмаха или даже сам враг рода человеческого.

Итак, после тридцатитрехлетнего правления Италией и двенадцатилетнего правления Испанией Теодорих умер и был похоронен готами в круглом мавзолее за воротами Равенны, который он построил для себя еще много лет назад. Его плоть давно исчезла, но гробница существует до сих пор и является практически единственным памятником, напоминающим о шестидесятилетнем господстве готов в Италии.

Глава 3

Императоры в Константинополе, 476–527 годы

Контраст между судьбами восточных и западных императоров. – Восток снова обретает силы. – Лев I Исавр. – Император Зенон и восстание против него. – Войны Зенона с двумя Теодорихами, 478–483. – Энотикон. – Характер императора Анастасия. – Восстание исаврян. – Война против Персии, 503–505 годы. – «Синие» и «зеленые». – Мятеж Виталиана. – Восхождение на престол Юстина I

В Риме императоры третьей четверти V века – все эфемерные цезари, чьи кровавые анналы заполняют место между смертью Валентиниана III и приходом к власти Одоакра, – были исключительно ставленниками варваров или полуварваров, «патрициев» и военных магистров, которым они были обязаны и своим возвышением, и безвременным концом. Историю этих беспокойных лет логичнее излагать, пользуясь именами творцов этих цезарей – Рицимера, Гундобада, Ореста, чем тех несчастных, которые были всего лишь марионетками в их руках.

Но когда мы обращаем свои взгляды на восток – к Константинополю, то с удивлением обнаруживаем совершенно другую картину. Западная Римская империя быстро разваливалась, провинции одна за другой выходили из-под власти императора и становились владениями того или иного принца из готов, бургундов или вандалов, которые выказывали лишь слабое почтение – или вообще никакого – эфемерному цезарю в Риме. Вместе с тем Восточная Римская империя сохранила свои границы неприкосновенными и медленно набирала силу, чтобы в следующем столетии возобновить активную деятельность. Если в Риме за двадцать один год (455–476) сменилось девять императоров, на Босфоре два императора правили тридцать четыре года (457–491). Характеры правителей востока и запада были такими же разными, как их судьбы. Недолговечные римские императоры были или бессильными ничтожествами, возведенными на трон капризом варвара, или честолюбивыми молодыми воинами, мечтавшими о спасении государства. Их современники на востоке, Лев, Зенон и Анастасий, были чиновниками в годах, имевшими большой опыт (хотя и не большие таланты). Они мирно сменяли друг друга, посвятив преклонные годы осторожной оборонительной политике. В результате они оставляли после себя полную казну, сильную и преданную армию и неврежденное королевство.

В начале V века представлялось вероятным, что восточная половина империи, так же как и западная, окажется под властью варваров и распадется на части. Готы расположились во Фракии, Мезии и Малой Азии, а готский военачальник Гаинас имел огромное влияние на императора Аркадия. Имей он больше способностей и талантов, то мог бы создавать и свергать императоров, как это впоследствии делал Рицимер на западе. Но планы Гаинаса потерпели крах, а империя была спасена восстанием в Константинополе в 401 году, когда готские федераты были убиты, а их лидер – изгнан разгневанным населением. Люди таким образом спасли не только свои дома, но и весь восток от опасности готского господства.

Хотя европейские провинции Восточной империи изрядно пострадали от тевтонских набегов в первой половине века, больше не возникала опасность завладения варварами механизмом управления и разрушения империи изнутри. Во время долгого правления Феодосия II (406–450), хотя и не наблюдалось никакого прогресса в укреплении империи, ни одна территория не была утрачена.

В это время на Восточную империю работали два внешних фактора. Первый – абсолютная неприступность Константинополя для любых захватчиков, которые могли напасть на город только с земли. Город нельзя было уморить голодом – как это сделал с Римом Ала-

рих, – а его стены не могли быть разрушены осадными машинами, известными в том веке. Хотя готы и гунны совершали набеги по всему Балканскому полуострову, они никогда всерьез не пытались досаждать великому городу, оплоту власти восточных римлян. В Западной империи такого оплота не было. Там не имелось ни одного города, который был бы одновременно столицей, арсеналом, гаванью, центром торговли – в общем, всем в одном. Равенна, куда западные цезари сбегали в тревожные времена, во всех отношениях уступала Константинополю как оплот вооруженного сопротивления захватчику. Хотя болота в какой-то степени усиливали ее, они не занимали большой территории, и город находился достаточно далеко от гавани, чтобы позволить врагу перерезать пути снабжения.

Вторым существенным фактором живучести Восточной империи была долгая свобода от внешних войн, которой имели возможность наслаждаться азиатские провинции. После мятежа Гаинаса в 401 году готы исчезли из Малой Азии, и больше никакие чужеземные завоеватели не делали серьезных попыток вторгнуться на этот полуостров, в Сирию или Египет в течение сорока лет. Две коротких персидских войны в 420–421 и 502–506 годах не привели ни к чему более серьезному, чем частичные разрушения на месопотамской границе. Это правда, что в азиатских провинциях империи не все время царил мир и спокойная благодать. Но все возникающие неприятности были связаны с внутренними волнениями, главным образом инициированными исаврянами, которые жили в горах юга Малой Азии. Такие мятежи носили местный характер и не приносили очень уж большого ущерба. Бои, вызванные бунтами мятежных императоров Василиска и Леонтия, случившиеся во время правления Зенона, тоже явились не слишком разрушительными. В целом четыре восточных диоцеза Восточной Римской империи в V веке знали больше мира и процветания, чем в прошедшие и будущие века. Богатства, скрупулезно собранные в имперскую казну, дали императорам достаточно сил, чтобы защищать свои европейские владения. Дальше мы увидим, что их военные ресурсы также оказались на высоте, когда велась реорганизация восточной римской армии.

Только сила Константинополя и богатства Азии могли оказаться бесполезными, попади они в руки таких императоров, как Гонорий или Валентиниан III. Мы должны отдать должное личным качествам императоров Льва I, Зенона и Анастасия I – эти люди оказали важнейшее влияние на империю. Эти осторожные, упорные и внимательные принцы, которые никогда не подвергали империю опасности излишней предприимчивостью или честолюбием, также не позволили ей распасться из-за недостатка энергии. Именно такие люди нужны были в переходный период.

Лев, первый из этих трех императоров, уже умер, когда на западе был смещен Ромул Августул. Он оставил свой след в истории Константинополя убийством Аспара, последнего из военных магистров, опасно возвысившегося на востоке, а также – в еще большей степени – планом реорганизации армии с привлечением большого числа местных жителей в ее ряды. Понимая, что нельзя полностью полагаться на тевтонских наемников – эта роковая ошибка разрушила Западную империю, – Лев привлек в армию максимальное количество суровых горцев Малой Азии, в основном исаврян. Его предшественники не доверяли им, считая коварными и неуправляемыми, однако Лев сумел разглядеть, что они поставляют в армию хороший и надежный человеческий материал, и обращался с ними так же, как старший Питт с шотландцами после восстания 1745 года. Он учил их использовать на службе своей стране безудержную отвагу, которая так часто оборачивалась против правительства. Лев действительно сделал все, что мог, для исаврян и даже выдал замуж свою старшую дочь Ариадну за одного из них – Зенона.

Именно Зенон восседал на троне Восточной империи, когда Одоакр стал правителем Италии, и ему было адресовано известное обращение римского сената, содержащее просьбу позволить востоку и западу вместе почивать под сенью его имени, одновременно поручив практическое управление Италией патрицию Одоакру. Зенон не был ни таким способным, ни таким

уважаемым правителем, как его тесть – император Лев. Его репутацию запятнали два недостатка – чрезмерная осторожность, граничившая с трусостью, и распущенность. Враги никогда не уставали упрекать его исаврийским рождением и постоянно напоминали, что его настоящее имя – Тарасикодисса, сын Русумбладеота. Зенон принял новое имя только при дворе. Но хотя он был по рождению никому не известным провинциалом, а по натуре – трусом и распутником, все же у Зенона были определенные достоинства. Он был сдержанным, не склонным к вымогательствам правителем, ему был не чужд либерализм и умение выбирать способных людей себе на службу. Он был оптимистичен и умел упорно добиваться своей цели, а в вопросах религии проводил политику умеренности и терпимости, которая сегодня считается его заслугой, но в его время вызывала множество нареканий со стороны ортодоксальной церкви. Самые худшие обвинения, которые могут быть против него выдвинуты, касаются деяний, вызванных скорее его трусостью и нерешительностью, а не другими мотивами. Это две или три деспотичные казни чиновников, которых он заподозрил в организации заговоров против себя. Впрочем, после трех мятежей, едва не достигших успеха, неудивительно, что он опасался за свою безопасность.

Правление Зенона являлось в этом отношении более беспокойным, чем правления его предшественника и преемника. Отсутствие дерзновенной смелости подталкивало людей устраивать заговоры против него, однако они не делали скидку на его упорство и хитрость и потому всякий раз терпели поражение. Зенон мог рассчитывать на активную поддержку своих соплеменников – исаврян, которые теперь составляли самую верную часть его армии, и на пассивную покорность или, в худшем случае, нейтралитет коммерческих классов и бюрократии, которым не нравились перемены и беспорядки. Поэтому случилось так, что дворцовых заговоров и периодических мятежей отдельных частей армии оказалось недостаточно, чтобы пошатнуть его трон.

Первую половину периода правления Зенона можно разделить на три части этими тремя заговорами. Император уже взошел на престол, когда начался первый из них. Это была дворцовая интрига, затеянная вдовствующей императрицей Элией Вериной, которая ненавидела зятя. Заговорщики застigli императора врасплох. Правда, они не смогли его схватить, поскольку он при первой же тревоге бежал из Константинополя, зато они завладели столицей и объявили Василиска, брата Верины, августом. Горожане, среди которых Зенон был в высшей степени непопулярен, присоединились к мятежу и убили исаврийских солдат, находившихся в стенах города. Отсутствие лидера, казалось, парализовало их сопротивление. А Зенон тем временем добрался до своих родных мест и поднял исаврийскую армию. Сирия и большая часть Малой Азии хранили ему преданность, и он приготовился сражаться за трон. К счастью для него, Василиск оказался недостойным созданием. Именно он погубил экспедицию против вандалов, отправленную Львом I семью годами раньше. Довольно скоро жители Константинополя возненавидели его даже больше, чем Зенона. Причем трудно сказать, за что его ненавидели больше – за высокомерную надменность, финансовое вымогательство или приверженность монофизитской ереси. Армия, которую он выслал против Зенона, была вверена – крайне неразумно – военачальнику исаврийского происхождения, военному магистру Иллу, который позволил себе уступить мольбам и подкупу законного императора и в конце концов перешел к нему. Восстановив свои позиции в Малой Азии, Зенон настроил Теодориха против своего врага и склонил гота осадить Константинополь с запада, в то время как сам блокировал город с восточной стороны. Горожане распахнули ворота, и Василиска после двадцатимесячного правления вытащили из дворца и бросили к ногам Зенона. Тот пообещал, что кровь Василиска не будет пролита, но отправил его с сыновьями в далекий уединенный замок в горах Каппадокии, окруженный заснеженными вершинами, где пленников так скудно кормили, что они довольно скоро умерли от лишений. Это было в 477 году.

После победы над Василиском Зенон принял послов от Одоакра и был объявлен императором востока и запада, хотя и посоветовал римлянам вернуть своего прежнего правителя – Юлия Непота, который еще владел частью Далмации, пусть даже уступив Италию тремя годами раньше. Не исключено, что Зенон мог поддасться искушению и более активно вмешаться в дела запада, если бы на него не обрушилась вторая волна неприятностей в виде войны с двумя Теодорихами, сыновьями Теодемира и Триария, которая началась в следующем году после его восстановления на престоле.

Остготы никогда не двигались на запад, как их соплеменники вестготы. Они оставались на Дунае, сначала в составе обширной империи гунна Аттилы, потом от своего имени занимали Паннонию. Но во время правления Льва I они переправились через Саву на территорию Восточной империи и обосновались в Мезии, договорившись с константинопольским правительством. Но только вассалами они оказались неуправляемыми и даже во время мира не могли воздержаться от набегов во Фракию и Македонию. Большинство племени теперь признавало своим вождем Теодориха, сына Теодемира, представителя благословенного небом рода Амалов, которая давала готам королей с незапамятных времен. Теодорих тогда был молодым юношей двадцати трех лет от роду, энергичным и честолюбивым, который уже завоевал репутацию славного воина победами над бургундами, сарматами и другими племенами, жившими за Дунаем. В детстве он провел десять лет заложником в Константинополе, где хорошо узнал слабые и сильные стороны Восточной Римской империи. Его последующая жизнь доказала, что там он проникся глубоким уважением к римскому праву, порядку и административному единству. Но вместе с тем он испытывал презрение к нерешительному Зенону и был убежден, что его brave соплеменники во всем превосходят сборную наемную армию императора, большая часть которой до сих пор состояла из готов и других тевтонов, которые едва ли станут упорно сражаться со своими остготскими соплеменниками.

Но Теодорих Амал был не единственным вождем своего народа на Балканском полуострове. У него был тезка – Теодорих, сын Триария, более известный как Теодорих Страбон – Косой. Он давно служил капитаном наемников в императорской армии и возглавлял вспомогательные войска тевтонов в лагере узурпатора Василиска. После падения Василиска Теодорих Косой собрал остатки своих войск, укрепил их представителями других отрядов (тоже разбитых), многие из которых были остготами, и решил не сдаваться Зенону. Он удалился на Балканы и периодически устраивал набеги на Фракию. Одновременно он отправил посольство к Зенону и заявил, что покорится, если получит титул военного магистра, который имел при Василиске, и будет принят вместе со всеми своими людьми в императорскую армию на жалование.

Зенон с возмущением отверг такое наглое предложение и вознамерился покарать мятежника. Он послал азиатскую армию во Фракию, чтобы блокировать сына Триария с юга, и предложил своему воинственному вассалу, сыну Теодемира, напасть на тезку с севера, со стороны Мезии. Юный Теодорих с восторгом согласился, поскольку не желал ни с кем делить власть на полуострове. Он считал сына Триария выскочкой низкого происхождения, поскольку в его жилах не текла королевская кровь Амалов.

Кампания против Теодориха окончилась катастрофой для имперских сил. Римская армия на юге потеряла след мятежника – случайно или намеренно, а Теодорих Амал со своими силами запутался в балканских ущельях и был окружен армией противника. Ему была обещана поддержка армии Фракии, но римляне так и не появились, и он осознал, что перспективы его весьма мрачные. Его одноглазый соперник, подъехав близко к лагерю, принялся глумиться над ним. Он утверждал, что Теодорих не должен был слушать приказы и обещания императора. «Безумец, – кричал он, – предатель своего народа! Разве ты не видишь, что римляне хотят уничтожить готов руками готов? Кто бы из нас ни пал, это они станут сильнее, а не мы. Они никогда не станут помогать тебе! Они только стравливают нас друг с другом, чтобы мы погибли здесь

в пустыне!» После этого все воины Амала стали говорить, что Косой прав и что они не станут бороться со своими братьями. Тогда сын Теодемира покорился их воле и присоединился к сыну Триария. Объединив свои армии, они направились в долину Гебра (Марицы) и двинулись к Константинополю. Они послали Зенону ультиматум, в котором Амал требовал больше территории для своего племени, снабжения зерном и деньгами, а Косой – титул военного магистра с ежегодным жалованьем 2000 фунтов золота. Зенон, во что бы то ни стало желавший удержать младшего Теодориха на своей стороне, обещал ему крупную сумму денег и руку дочери патриция Олибрия, если только он покинет своего мятежного тезку. Однако Амал отказался нарушить клятву, данную союзнику, и двинулся на запад, грабя Македонию, добравшись до ворот Салоник (Фессалоник). Зенон отправил войска на зимние квартиры – военный сезон уже закончился – и сделал последнюю попытку предотвратить надвигающуюся опасность, предложив благоприятные условия Теодориху Косому. Не столь уверенный в необходимости держать слово, как его тезка Амал, старший Теодорих благосклонно выслушал предложение императора и, получив обещание, что ему будет пожалован титул военного магистра и все доходы, которые он имел при Василиске, Теодорих Косой повел своих людей в императорский лагерь. Это было в 479 году.

В течение следующих двух лет Теодорих, сын Теодемира, со своими людьми рыскал по всему Балканскому полуострову от Диррахия до Константинополя, грабя и сжигая те районы Македонии и Фракии, которые раньше избежали разрушительных действий гуннов Аттилы и остготов предыдущего поколения. Военачальникам Зенона, пытавшимся его остановить, везло редко. Единственный успех, которого ему удалось добиться, – это победа в 480 году некоего Сабиниана, которому удалось окружить арьергард войска Теодориха, когда готы переходили Албанские горы, и захватить 2000 повозок и 5000 пленных. Но Сабиниана слишком боялся сам Зенон, которого подозревал в предательстве и потому в следующем году казнил. Только в 483 году Амал, разоривший Фракию и Македонию настолько полно, что даже его армия больше не могла найти там пропитания, наконец договорился с Зеноном. Сам Теодорих стал военным магистром, а для своего племени он получил дополнительные земли в Мезии и Дакии. Сын Триария умер годом раньше: он снова поднял мятеж против императора и уже собирал армию на фракийском побережье, когда погиб очень странной смертью. Норовистая лошадь сбросила его прямо на копье, которое стояло у его палатки, и то пронзило ему сердце. Его сын продолжил дело отца, но Теодорих Амал, не желавший терпеть других готских вождей на Балканском полуострове, кроме себя, убил юношу и включил его воинов в основной отряд остготов.

Полная беспомощность, которую Зенон продемонстрировал во взаимоотношениях с двумя Теодорихами, по-видимому, в значительной степени объясняется домашними проблемами. В 479 году, когда он не оказал поддержки Теодориху Амалу на Балканах, его трон зашатался и едва не рухнул из-за восстания в Константинополе. Марциан и Прокопий, два сына Антемия, покойного императора запада, популярные среди жителей столицы, устроили заговор, направленный на свержение императора. Они привлекли на свою сторону многих значительных людей. Они сумели ворваться во дворец и убить телохранителей, но Зенону удалось бежать, привести преданных ему исаврян из Азии и подавить восстание после ожесточенных уличных боев. В 482–483 годах он разошелся во мнениях с исаврийским военачальником Илло, который пятью годами ранее подавил восстание Василиска. Зенон не мог изгнать его, но не доверял. Он оставил его в должности, но постоянно оставался настороже и всячески ему мешал. Говорят, что императрица Ариадна попыталась организовать убийство Илла – с согласия императора или нет, точно неизвестно. В 483 году, когда Теодорих Амал помирился с Зеноном, некто Леонтий поднял восстание в Сирии. Иллу, который был послан на подавление восстания, надоело служить неблагодарному и подозрительному хозяину, и он присоединился к восстанию. Он и Леонтий захватили Антиохию, где последний был провозглашен императором, а также овладели Каппадокией, Киликией и севером Сирии. Утверждают, что

они намеревались вернуть язычество – проект, который представляется совершенно невероятным в конце V века, когда язычников уже почти не осталось. Вдовствующая императрица Верина, жившая в Каппадокии, присоединилась к ним и даже усыновила Леонтия. Мятежники также приняли более практические меры для поддержки своего дела. Они обратились к Одоакру, королю Италии, и персидскому монарху Балашу. Оба пообещали помощь, но не успели ее отправить. Зенон сумел подавить восстание раньше. Он убедил своего прежнего врага Теодориха присоединиться к его армии. Готы и исавряне вместе легко одержали верх над Леонтием. Сирия покорилась. Мятежный император и его военачальник Илл после долгой отчаянной обороны в замке Каппадокии были схвачены и убиты.

После подавления восстания Леонтия Зенон некоторое время наслаждался миром. В 488 году он уговорил Теодориха Амала повести остготов из Мезии на завоевание Италии. Как Теодорих показал себя в Италии, мы уже рассказывали. Его уход оказался благом для империи. Впервые после восхождения на престол Зенон получил реальную власть над своими европейскими провинциями. Они были оставлены в ужасном состоянии. Десять лет войны, свирепствовавшей на всей территории, что к югу от Дуная и к северу от горы Олимп, превратили землю в пустыню. Целые регионы полностью лишились населения. Наличие столь обширных свободных территорий манило на Балканский полуостров новых врагов. На севере Балкан было уничтожено почти все провинциальное население. Когда остготы покинули эту территорию, между горами и Дунаем не осталось практически ничего, за исключением нескольких военных гарнизонов. Население здесь так и не появилось, пока сюда не пришли славяне в следующем веке. В Иллирии и Македонии дела обстояли не так плохо. Однако общим результатом столетия готской оккупации Балканского полуострова стало катастрофическое уменьшение латиноязычного населения Восточной империи. Жители внутренних территорий Фракии, Мезии и Иллирика до этого в основном использовали латинский язык. Когда их стало меньше, империя стала более азиатской и греческой, чем была раньше.

Когда остготы мигрировали в Италию, империя приобрела новых соседей на северной границе – кочевое угорское население булгар в нижнем течении Дуная и тевтонские племена гепидов, герулов и лангобардов (ломбардов) в среднем течении Дуная, на Тисе и Саве. Вопреки ожиданиям ни один из этих народов не прошел преграду римских фортов вдоль реки, чтобы занять Мезию. Они совершали периодические набеги на территорию империи, но не делали попыток обосноваться в ее границах.

Заслуживает внимания политика Зенона в области религии. Сам он придерживался ортодоксальной веры, однако фанатиком не был. В то время церковь была расколота монофизитской ересью, к которой присоединились церкви Египта и Палестины. Зенон думал, что будет возможно и целесообразно заманить еретиков обратно в паству, слегка модифицировав католическую доктрину. Хотя в 482 году он был занят борьбой с Теодорихом Амалом, нашел время для написания Энотикона – вероисповедального послания клиру и верующим. Монофизиты признавали наличие только одной Божественной природы в Иисусе Христе и отвергали его человеческую природу. В Энотиконе Зенон четко заявил, что Христос – Бог и человек, но не употребил слова «две сущности», которые составляли ортодоксальный шиболет. Но его добрые намерения не произвели желаемого впечатления. Еретики не были удовлетворены и отказались соответствовать, а католики утверждали, что это слабая уступка гетеродоксии, и обвинили Зенона в заигрывании с еретиками. Патриарх Акакий, помогавший в написании Энотикона, был отлучен от церкви римским папой. Церкви Италии и Константинополя оставались вне религиозного сообщества более тридцати лет благодаря эдикту, созданному, чтобы объединять, а не разобщать.

Последние годы правления императора Зенона были спокойнее, чем первые. Он умер в 491 году от эпилептического припадка, не оставив наследника трона. У него было два сына –

Лев и Зенон. Первый умер в младенчестве – в 474 году, а второго убило распутство и дурные привычки задолго до смерти отца.

Право выбрать преемника Зенона номинально перешло к сенату и народу, а реально – к вдовствующей императрице Ариадне и императорской гвардии. Дочь Льва сделала мудрый выбор, рекомендовав выборщикам кандидатуру Анастасия из Диррахия – силенциария, которого ценили все окружающие за благочестие и многочисленные добродетели.

Анастасий был человеком пятидесяти двух или пятидесяти трех лет. Он всю жизнь служил чиновником и был известен как способный финансист. Он был глубоко религиозен и в свободное время читал мирские проповеди в соборе Святой Софии до тех пор, пока ему не запретил это делать патриарх Евфимий, усмотревший в его проповедях признаки монофизитства. Он хотел принять сан и был кандидатом на пост епископа Антиохии. Но, несмотря на религиозность, он оставался человеком мирским и сугубо практичным. Анастасий вел безупречную жизнь, много учился и работал, был спокойным, добрым и либеральным хозяином, справедливым во всем. Когда он впервые предстал перед народом, облаченным в императорский пурпур, люди стали выкрикивать: «Правь так, как жил!» Ему можно было предъявить только две претензии – и это за всю его жизнь! Во-первых, он проявлял склонность к монофизитству, а во-вторых, его двор казался слишком консервативным и пуританским для тех, кто привык к помпезности и оргиям распутного Зенона. Он стал непопулярным, запретив гладиаторские бои с дикими зверями и безнравственные танцы.

Через шесть недель после восхождения на трон новый император женился на вдовствующей императрице Ариадне, благодаря которой он, собственно, и был избран. Эта женщина тоже вела безупречную жизнь и в прежнем браке сделала многое, чтобы искупить дурную репутацию супруга. Для империи большой неприятностью было то, что она не сумела родить своему второму супругу наследника.

Начало правления Анастасия было омрачено мятежом исаврян. Зенон не только сформировал императорскую гвардию из своих соотечественников, но и назначил исаврян на многие гражданские должности, и постоянно предлагал им обосноваться в Константинополе и заняться торговлей. Они были немало раздосадованы, когда скипетр перешел к иллирийцу Анастасию, и организовали заговор, намереваясь схватить его и объявить императором брата Зенона Лонгина. Через несколько месяцев после восхождения на престол Анастасия исавряне взбунтовались и захватили часть города в непосредственной близости от дворца. Однако народ их не поддержал, и после напряженных уличных боев, во время которых сгорел большой ипподром, восстание было подавлено. Лонгин был схвачен и принял сан. Он прожил довольно долгую жизнь и умер священником в Египте. Анастасий после мятежа уволил всех исаврян. Они вернулись в свои родные горы в Малой Азии и организовали мятеж там. Второй Лонгин, военный магистр во Фракии, возглавил восстание, которое продолжалось пять лет (491–496), но никогда не представляло серьезной опасности для империи. Мятежников разбивали всякий раз, когда они спускались с гор на равнины. Они продержались так долго благодаря наличию горных замков, которых в тех краях было немало. В 496 году был взят штурмом последний оплот исаврян, а их вождь, бывший военный магистр, схвачен и казнен. Анастасий карал самых упорных мятежников, отправляя их во Фракию, где они обустраивались в предгорьях Балкан. Император считал, что эти закаленные горцы не пропустят варваров из-за Дуная.

В азиатских провинциях империи не было никаких проблем до 502 года, когда началась война между Анастасием и царем Персии Кавадом. На месопотамской границе целый век было спокойно. После неудачной экспедиции Юлиана в 362 году не произошло ни одной серьезной войны с великой восточной монархией. Тот же век, что видел тевтонские миграции в Европе, на внутренних территориях Азии был отмечен повышением активности гуннов и других туранских племен за Каспием. Пока римские императоры были заняты на Дунае, Сасаниды защищали границу на Оксусе. Во время передышки в восточных проблемах Кавад потребо-

вал у Анастасия деньги, император отказался, и началась война. Вначале римляне потерпели ряд неудач. Главная крепость Месопотамии Амида была взята штурмом в 503 году. Тогда же пал Нисибис (Нусайбин). А когда Анастасий послал на восток подкрепление, он назначил так много независимых командиров, что армию не удалось объединить. Отряды были разгромлены поочередно. В 504 году удача наконец улыбнулась римлянам. Тогда командование было поручено магистру оффиций Целеру. После длительной осады он вернул Амиду и начал движение через персидскую границу. Кавад в это время отбивался от гуннов и потому с радостью заключил мир на весьма неплохих условиях. Граница восстанавливалась на том же месте, где она проходила в 502 году. Анастасий сделал попытку предотвратить грядущие войны, построив две новые крепости на персидской границе – Дара в Месопотамии и Феодосиополь – севернее, на границе с Арменией. Они помогли сломить натиск персов тридцатью годами позже, когда снова сошлись в бою преемники Кавада и Анастасия. Персидская война, как и исаврийская, затронула лишь ограниченный регион – провинцию за Евфратом, вылазки не достигали Сирии. На самом деле за все время правления Анастасия единственной проблемой, затронувшей азиатскую часть империи, был набег гуннов из-за Кавказа, который в 515 году принес беды и разрушения Понту, Каппадокии и Ликаонии. Это вторжение оказалось изолированным, и за ним не последовали набеги кочевников северных степей.

Судьба европейских провинций, как и во времена Зенона, оказалась суровее. Славяне и бургунды систематически переправлялись через Дунай и вторгались через покинутые равнины Мезии во Фракию. Не единожды булгары громили римскую армию в поле, и со временем они продвинулись так далеко на юг, что Анастасий построил в 512 году стену, носящую его имя, от Черного моря до Пропонтиды, тридцатью пятью милями западнее Константинополя. Эти линии, тянувшиеся на пятьдесят миль через восточный выступ Фракии, служили для защиты по крайней мере ближайших окрестностей столицы от беспокойных всадников из-за Дуная. Македония и Иллирия, по-видимому, страдали меньше Фракии в этот период. Граничившие с ними славяне пока еще были не такими опасными врагами, как булгары, а остготы Италии, завоевав Паннонию, оказались более тревожными соседями для северо-восточной провинции империи, чем были веком раньше.

Во время правления Анастасия на передний план впервые выдвинулась одна из самых характерных черт жизни Константинополя. Речь идет о «синих» и «зеленых» – партиях цирка. Они существовали с самого начала Римской империи, но только в Константинополе стали институтами большой политической важности. Здесь соперничество «синих» и «зеленых» не ограничилось спортивными состязаниями, а проникло во все сферы жизни. Кроме того, теперь в партии входили не только молодые люди со спортивными наклонностями. Они стали клубами или политическими ассоциациями для людей всех классов и возрастов, от государственных министров до беднейших механиков, и образовали связи между духовенством и сторонниками династических претензий. Современному человеку трудно представить, что получилось из того, что начиналось с обычного соперничества в цирке или на ипподроме. Чтобы провести параллель, нам следует предположить, что все те, кто надевает голубые или синие костюмы в день оксфордской или кембриджской лодочной регаты, отчаянно завидуют друг другу. Предположим, к примеру, что все, кто надел темно-синие костюмы, – консерваторы и англикане, а голубые – радикалы и раскольники. Если так, можно представить себе, что во времена политического напряжения за регатой последует масштабная массовая драка. Именно это случилось в Константинополе. Партия «синих» идентифицировалась с ортодоксальной церковью и с неприязнью к семейству императора. В партию «зеленых» вошли все монофизиты и члены других иноверческих сект, которые были преданы лично Анастасию и его династии. В любое время беспорядков игра на ипподроме заканчивалась мощным столкновением двух партий. Неудивительно, что справедливый и миролюбивый император старался подавить всякого рода зрелища и выказывал неприязнь к нелояльным «синим».

Самые худшие из внутренних проблем Анастасия были связаны с подозрением в гетеродоксии, которое постоянно сопровождало его. В 511 году, когда он добавил к гимну, называемому *Trisagion* – Трисвятое, или Трисвятая песнь, – строчку в контексте, которая относилась ко всей Святой Троице, православное население Константинополя, возглавляемое партией «синих», подняло смуту. Народ удалось успокоить, только когда старый император появился перед людьми на ипподроме без короны и императорских одежд и объявил о своем намерении отречься. Его правосудие и умеренность вселили в представителей всех рангов и классов такую уверенность, что предложение вызвало смятение и народ стал просить его не уходить.

Тем не менее недовольство монофизитскими тенденциями Анастасия не было забыто. В 514 году амбициозный военачальник по имени Виталиан, командовавший войсками в Мезии, восстал с оружием в руках не только против определенных злодеяний, совершенных в провинции племянником императора Ипатием, но также против опасной гетеродоксии религиозных воззрений Анастасия. Когда Ипатий был отстранен от должности, большая часть армии Виталиана успокоилась, и тогда мятежник наглядно показал, как важны его религиозные принципы, призвав на помощь язычников болгар и гуннов. Возглавив эту армию, он еще некоторое время оставался в Мезии. Император, проявив некоторое недомыслие, послал своего племянника Ипатия во главе большой армии, чтобы подавить мятежника. Но когда римляне расположились лагерем на морском берегу недалеко от Варны, они подверглись внезапному ночному нападению противника и были рассеяны. Много тысяч людей утонули. Сам Ипатий был взят в плен. Эти события происходили в 514 году. Старый император, тревожась за жизнь родственника, поспешил заключить мир. Он выкупил Ипатия за 15 000 фунтов золота и пожаловал Виталиану пост военного магистра во Фракии. Весь остальной период правления Анастасия прощенный мятежник занимался укреплением своих позиций на Дунае, намереваясь заявить о своих претензиях на императорский трон, когда старый император, которому уже перевалило за восемьдесят, покинет этот мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.